

Ю. Лотман

Анализ стихотворения «Выхожу один я на дорогу...»

Это последнее стихотворение, написанное Лермонтовым. Его изучение следует построить таким образом, чтобы, во-первых, подчеркнуть в нем все черты лермонтовской лирики, знакомые нам по предшествующему материалу, и, во-вторых, обособить то новое, что появляется в этом стихотворении и позволяет считать его следующим — последним — этапом лермонтовской лирики. С первой точки зрения, мы будем выделять знакомые нам романтические черты: одиночество, тоску поэта, его жажду найти собеседника, обрести «родную душу». Со второй точки зрения, мы должны будем выявить примиренные интонации стиха, его устремленность к положительным идеалам.

Стихотворение носит синтетический характер, как бы соединяя все мотивы лермонтовской поэзии.

Лермонтов разделил стихотворение на строфы, и анализ его удобнее всего строить именно по этим сегментам.

Первая строфа. Стихотворение начинается со знакомых для нас, типично лермонтовских, мотивов. В первой строке появляется носитель лирического голоса — «я» и, к чему мы уже готовы, говорится о его одиночестве. Числительное «один» всегда играет в поэзии Лермонтова значительную роль. Еще раз вспомним, что еще в 1830 году Лермонтов написал стихотворение «Одиночество»:

Как страшно жизни сей оковы
Нам в одиночестве влачить.
Делить веселье — все готовы:
Никто не хочет грусть делить.

Один я здесь, как царь воздушный...

Пальма — «одна и грустна». Поэт в стихотворении «На смерть поэта» — «один, как прежде».

Наполеон

Один, — он был везде, холодный, неизменный...
...Забывтый, он угас *один*—
Один, — замучен мщением бесплодным...

(«Последнее новоселье»)

Герой стихотворения также *один* выходит на дорогу.

Однако в первой же строке стихотворения мы сталкиваемся с новым мотивом. Лермонтовский одинокий герой был знаком нам как узник (вспомним «Пленного рыцаря»). Он был заключен в тесном и темном месте, а огромный и свободный мир природы находился высоко над ним и был недосыгаем. Образ тюрьмы постоянно сопровождает романтического героя Лермонтова. Он отгорожен стенами от мира:

...одинок я, нет отрады,
Стены голые кругом...

В стихотворении «Выхожу один я на дорогу...» уже первое слово — глагол в активном залоге — выводит героя из привычного нам окружения. Лирический повествователь стихотворения находится в открытом, распахнутом мире. Перед ним устремленная вдаль бесконечная *дорога*, над ним — открытое *небо*. Герой Лермонтова в этом стихотворении — не узник, мечтающий о победе, а человек, погруженный в открытую и свободную стихию природы. В первой строфе герой упоминается только в первом стихе, а последующие три посвящены миру природы. Этот мир наделен чертами, совершенно необычными для романтической поэзии. В ранней лирике поэта герой находился в условиях изоляции. (Напри-

мер, в стихотворении «На жизнь надеяться страшась...»: «Ужель при сшибке камней звук / Проникнет в середину их?») Для ранней лирики характерны признаки оборванных коммуникаций, невозможности общения. Герой не может найти слушающего; он живет в обстановке глухоты и немоты. Вместо любви его окружает измена, вместо понимания — непонимание.

Если ранняя романтическая лирика погружала героя в мир разобщенности, то в анализируемом стихотворении (а это характерно для ряда произведений последних двух лет) мир, в котором находится герой, — это мир, полный коммуникаций. Он пронизан связями, он говорит, слышит, любит. В стихотворении «Небо и звезды» поэт вопрошал звезды, но они молчали. В стихотворении «Выхожу один я на дорогу...» мир характеризуется единением; небо соединено с землей — поэт выходит на дорогу, но лежащий перед ним бесконечный путь освещен и залит лунным светом. Луна принадлежит верхнему миру, миру неба, дорога — нижнему миру, миру земли. Лунный свет на дороге соединяет эти две противоположности. Не случайно и упоминание тумана: он заполняет пространство между землей и небом и выполняет роль посредника (между темницей и птицей в «Пленном рыцаре», поэтом и звездами в «Небо и звезды» нет никакого средоточия: они стоят по двум краям бездны). Но не только лунный свет соединяет небо и землю. В этом стихотворении небо не молчит, оно «говорит», а земля ему «внемлет». Очень важно, что пространство земли названо словом «пустыня». Реальный пейзаж стихотворения ведет нас на Кавказ, и поэтому здесь не следует представлять песчаную пустыню — плоскую равнину, покрытую песком. Пустыня здесь имеет два семантических признака: во-первых, это пространство, противостоящее городу, людскому поселению и всему миру созданного человеком общественного зла; во-вторых, это слово несет в себе семантику открытого, большого, распахнутого пространства. Про небольшой участок земли, отгороженный забором, сказать «пустыня» нельзя. Пустыня для Лермонтова имеет признак бескрайности. Так, например, одновременно с «Выхожу один я на дорогу...» поэт написал стихотворение «Пророк», герой которого покинул город — место лжи и злобы — и бежал в пустыню.

Из городов бежал я нищий,
И вот в пустыне я живу...

И именно в пустыне лермонтовский пророк находит то, чего он был лишен в городе, — общение. Его не слушали люди в городе — в пустыне его слушают звезды:

Завет предвечного храня,
Мне тварь покорна там земная;
И звезды слушают меня,
Лучами радостно играя.

В стихотворении «Выхожу один я на дорогу...» герой тоже оказывается в пустыне. Если слово «дорога» включает в себя значение бесконечной длины, то пустыня — необъятная ширь. Герой один в огромном мире, открытом со всех сторон, и мир этот «говорит» и «внемлет». Очень существенно, что эти глаголы, которые связываются у нас с представлением о звуковой речи, характеризуют у Лермонтова мир, наполненный тишиной. «Ночь тиха», звезды разговаривают друг с другом без слов, и земля внемлет этой безмолвной речи. Следовательно, мир, окружающий поэта, не только умеет говорить и слушать. Он слышит неслышное, видит незримое, он наделен способностями тонкого, чувственного взаимопонимания.

Вторая строфа посвящена отношениям, возникающим между поэтом и окружающей землей. Об окружающем мире сказано, что он прекрасен: «В небесах торжественно и чудно». Слово «чудно» означает и положительную оценку (хорошо, прекрасно), и вместе с тем несет семантику *чуда*: на небе совершается некое торжественное чудо. Поэт оказывается свидетелем какой-то скрытой от людей тайны природы, момента некоего торжественного и таинственного свершения, которое другим людям не видно. В этой связи слово

«один» приобретает новый смысловой оттенок. Традиционно оно указывало на одиночество, здесь оно получает оттенок избранничества; поэт оказался единственным, допущенным в святилище природы. Другие люди спят и не видят открывшегося ему таинства. Строка «Спит земля в сияньи голубом» обобщает мотив слияния земли и неба (лунного света). Однако здесь особенно примечательно слово «спит».

В изученных нами стихотворениях мы неоднократно сталкивались с мотивом сна. Сон выступал там как синоним смерти («Но спал я мертвым сном»). И сон сосны, и сон умирающего в долине Дагестана героя — это состояние ухода из жизни, перехода в мир смерти. Поэтому сон имеет признаки застывания, оцепенения, ухода из человека всего, что составляло жизнь («По капле кровь точилась моя»). В данном случае впервые в наших текстах сон не противостоит жизни, а означает спокойную ее полноту. Земля, озаренная лунным светом и внедряющая голосу неба, жива, и сон ее — «полный гордого доверия покой», как скажет Лермонтов по другому поводу в стихотворении «Родина». Лермонтовский романтический герой в своем одиночестве был одержим жаждой деятельности. Собственная неполнота заставляла его искать цели вне себя. Вспомним в этой связи слова Пушкина о «современном человеке»:

С его озлобленным умом,
Кипящим в действии пустом.

(«Евгений Онегин», гл. VII, строфа XXII)

В стихотворении «Выхожу один я на дорогу...» земля и весь мир, в который входит поэт, — это мир полноты. Он не ищет ничего вне себя и поэтому погружен в гордое спокойствие. Такое значение слова «сон» резко отличается от его семантики в изученных нами текстах.

Но полноте и спокойствию природы во втором и третьем стихах противопоставлено состояние поэта. Ему «больно» и «трудно», он глубоко неудовлетворен, он сомневается в будущем («Жду ль чего?») и с горечью вспоминает о прошлом («Жалею ли о чем?»). На этом стоит задержать внимание. Мир природы, данный глаголами настоящего времени, по сути дела вневременной. Для него нет ни прошлого, ни будущего — для него существует только вечность. Мир поэтического «я» погружен в движение времени, и переживание настоящего момента (торжественной ночи на склоне кавказских гор) невозможно для него без памяти о прошлом и мечты о будущем. Не случайно в огромном природном мире, в который погружен герой стихотворения, он наиболее тесно связан с образом дороги. Дорога же влечет за собой понятие движения, направления этого движения — предыдущего и последующего, то есть времени. Во всем пейзаже только она вызывает ассоциацию с временными понятиями.

Третья строфа полностью посвящена поэтическому «я». Она говорит о желании поэта вырваться из мира изоляции и приобщиться к миру природы. Это желание характерно выражается в отказе от времени, в стремлении вырваться из временного мира. «Уж не жду от жизни ничего я» — отказ от будущего, «И не жаль мне прошлого ничуть» — отказ от прошлого. Вместо них поэт хотел бы влиться в вечный мир природы и приобщиться к ее полному силе сну. Но именно это заставляет лирического героя раскрыть то, что он вкладывает в понятие «сон» и «покой». Уместно отметить, что в эту важную минуту Лермонтов сближается с Пушкиным. Строка «Я ищу свободы и покоя» напоминает пушкинскую строку из стихотворения «Пора, мой друг, пора!..»:

На свете счастья нет, но есть *покой и воля*¹.

Пушкин дал и противоположное решение этого вопроса в «Письме Онегина к Татьяне»:

¹ Этого стихотворения Лермонтов не мог знать — оно было опубликовано лишь в 1886 году. Тем знаменательнее возникшая переключка позднего Лермонтова со зрелым Пушкиным.

Я думал: вольность и покой
Замена счастью.

Но так или иначе, само сочетание покоя и свободы — идея Пушкина. Для Лермонтова в предшествующем его творчестве она была совершенно чужда, потому что лермонтовская свобода выявлялась в бунте, борьбе и деятельности и по самой своей природе была противоположна покою. И в стихотворении «На севере диком стоит одиноко...», и в стихотворении «Сон» утрата жизни — вместе с тем и потеря свободы, застывание, неподвижность и смерть. Герой анализируемого стихотворения ищет той высшей свободы, которая не противоречит законам природы, не требует постоянного бунта, а напротив, подразумевает полноту индивидуальной жизни, гармонически согласной с мировой жизнью.

Строфы четвертая и пятая и раскрывают подробно этот, новый для Лермонтовского героя, идеал. Сон, о котором он мечтает, — это не «холодный сон могилы», а полнота жизненных сил.

Последняя (пятая) строфа соединяет надежду на любовь («про любовь мне сладкий голос пел»), то есть достижение личного счастья, и слияние с образами мифологической и космической жизни. Дуб, у корней которого поэт хотел бы погрузиться в свой полный жизни сон, — это космический образ мирового дерева, соединяющего небо и землю, известный многим мифологическим системам. Таким образом, полнота жизни, в которую хотел бы погрузиться поэт, — это приобщение к природе в ее таинственном величии, удовлетворение жажды любви — выход из одиночества и погружение в мир древних преданий и мифов. Этот идеал соединяет пейзажную и любовную лирику с темой народа и родины, остро звучащими в последних стихотворениях Лермонтова. На пушкинский вопрос Лермонтов дал своеобразный ответ. Пушкин и его герой Евгений Онегин, по-разному решая этот вопрос, стояли перед альтернативой: счастье или покой и воля. Лермонтовский герой решал ее синтетически: покой, воля и счастье. Вот та полнота жизни, которая выводила лирического героя лермонтовского стихотворения из устойчивого для всей лирики поэта одиночества.

<...>